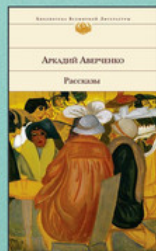

Аркадий Аверченко

**Новая история
(из «Всеобщей
истории, обработанной...**

*Часть сборника
Рассказы*

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Новая история (из «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“»)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619375*

Аннотация

«Всеобщая история» вышла в таком составе: 1. Древняя история – Н.А. Тэффи. 2. Средняя история – Осипа Дымова. 3. Новая история – Аркадия Аверченко. 4. Русская история – О.Л. Д’Ора.

«... Хотя наша «Всеобщая история» и не будет рекомендована ученым Комитетом, состоящим при м-ве народного просвещения, – как руководство для учебных заведений, но эта книга даст подписчикам единственный случай взглянуть на историческое прошлое народов – в совершенно новом и вполне оригинальном освещении... »

Содержание

Введение	7
Эпоха изобретений, открытий и завоеваний	9
1. Книгопечатание и бумага	9
2. Магнитная стрелка	13
3. Порох	14
4. Открытие Америки	16
5. Завоевание Мексики и Перу	20
6. Торговля неграми	22
Раздоры и драки из-за Италии и проч.	23
Религиозная путаница в Германии	27
Иезуитский орден	33
Франция и гугеноты	34
Варфоломеевская ночь	38
Генрих Наваррский	39
Кардиналы	41
Тюдоры, Стюарты и К ^о	42
Великие люди	45
Дания, Швеция и Норвегия	46
Польша	47
Тридцатилетняя война	49
Результаты	51
Людовик XIV и XV во Франции	52
Первые банкиры	54

Североамериканские штаты	55
Германские правители XVIII века	57
Семилетняя война (1756–1763)	59
Результаты Семилетней войны	61
Великая французская революция	62
Король Людовик XVI	62
Террор	65
Наполеон Бонапарт	67
Рецепт успеха	69
Наполеон – император	73
Конец Наполеона	79
Заключение	80

Аркадий Аверченко

Новая история

Из «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“»

История русского смеха очень коротка... В далеком прошлом русский смех культивировался только русалками, которые, поймав на берегу неопытного прохожего, начинали щекотать его до тех пор, пока он, корчась от смеха, не отдавал богу душу...

Последующие этапы русского смеха отличались такой же чарующей простотой и незамысловатостью: выставляли голого человека на мороз и обливали ледяной водой, что вызывало у вельмож того времени неудержимые приступы смеха. Покупали шутов, и если шут был горбатым – хорошее расположение духа покупателя считалось надолго обеспеченным.

Когда же русский смех оставил позади себя русалок, замороженных людей и веселых горбунов и понесся дальше к культурному идеалу, – он с размаху попал в объятия жирной, крикливой тещи, которая долго тискала этого горемыку в своих объятиях, а добрая цензура простирала над ними руки и благословляла такой противоестественный союз.

Исключив из своей программы все перечисленные этапы русского смеха – от смертельного щекотания читателей русалками до популярной тещи, – «САТИРИКОН» выбрал новый, свой собственный путь и, вступая в третий год своего существования, может смело сказать, что избранное им направление вызывает большее восхищение, чем смех замороженных людей и путников, безвременно скончавшихся от щекотки.

Все годовые подписчики получают в виде бесплатного приложения роскошно иллюстрированное издание: «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ», обработанная «Сатириконом» под углом его зрения, под редакцией А.Т. Аверченко.

Хотя наша «Всеобщая история» и не будет рекомендована ученым Комитетом, состоящим при м-ве народного просвещения, – как руководство для учебных заведений, но эта книга даст подписчикам единственный случай взглянуть на историческое прошлое народов – в совершенно новом и вполне оригинальном освещении...

«Сатирикон», 1909 г.

«Всеобщая история» вышла в таком составе: 1. Древняя история – Н.А. Тэффи. 2. Средняя история – Осипа Дымова. 3. Новая история – Аркадия Аверченко. 4. Русская история – О.Л. Д'Ора.

Книга выдержала несколько изданий.

Введение

История средних веков постепенно и незаметно переходила в «новую историю». Различие между этими двумя периодами заключается в том, что человечество, покончив со средними веками, сразу как-то поумнело и, устыдившись своей средневековой дикости, поспешило сделать ряд шагов, которым нельзя отказать в сообразительности и здравом смысле.

В средние века поступательное развитие культуры измерялось лишь количеством сожженных на площадях колдунов да опытами над превращением живых людей в кошек, волков и собак (опытами – принесшими ученым того времени полное разочарование). Новая история пошла по другому, более просвещенному пути. Правда, колдунов на кострах все еще продолжали сжигать, но делали это уже безо всякого одушевления и подъема, с единственной целью заполнить хоть каким-нибудь развлечением зияющую пустоту пробуждающегося ума и души.

Таким образом, великие люди, положившие своим гением начало «новой истории», имели уже благодатную почву в жаждающих чего-то нового душах простых людей... Изобретатели и открыватели могли уже начать свое дело без жгучего риска быть сожженными на приветливых огнях костров

ad majorem dei gloriam¹.

Человечество сделалось сразу таким культурным, что ни Гуттенберг, ни Колумб не были зажарены на костре: первый скончался просто от голодухи и бедности, второй – от тяжести тюремных оков, в которые заключил его удивленный его открытиями король Фердинанд.

В религиозных верованиях тоже пошла коренная ломка: как из мешка посыпались разные реформаторы, протестанты, Эразмы Роттердамские и Мартины Лютеры.

Монахи были в большой моде, а один из них – Бертольд Шварц – ухитрился даже выдумать порох, что не удавалось до него даже самым интеллигентным людям того времени.

Таким образом, при веселом грохоте пушек, скрипенье печатных станков и воплях новооткрытых краснокожих – человечество вступило в период «Новой Истории»!

---

¹ К вящей славе божией (*лат.*) – девиз ордена иезуитов.

Эпоха изобретений, открытий и завоеваний

1. Книгопечатание и бумага

Раньше, до изобретения книгопечатания, люди писали черт знает на чем: на коже животных, листьях, кирпичках – одним словом, на первом, что подвертывалось под руку.

Сношения между людьми были очень затруднительны... Для того, чтобы возлюбленный мог изложить как следует предмету своей любви волнующие его чувства, ему приходилось отправлять ей целую подводу кирпичей. Прочесть написанное представляло такую тяжелую неблагодарную работу, что терпение девицы лопалось, и она на десятом кирпиче выходила замуж за другого.

Кожа животных (пергамент) тоже была неудобна, главным образом своей дороговизною. Если один приятель просил у другого письменно на пергаменте займы до послезавтра сумму в два-три золотых, то он тратил на эту просьбу всю полученную заимообразно сумму, т. к. стоимость пергамента поглощала заем. Отношения портились, и происходили частые драки и войны, что ожесточало нравы.

Таким образом, можно с полным основанием сказать, что

появление на рынке тряпичной бумаги смягчило нравы.

Первыми, кто научил европейцев делать бумагу, были – как это ни удивительно, арабы – народ, прославившийся до того лишь черным цветом лица и необузданным, лишенным логики поведением.

Кстати, у арабов же европейцы позаимствовались и другой, очень остроумной штукой: арабскими цифрами. До этого позаимствования в ходу были лишь римские цифры, очень неудобные и громоздкие... Способ начертания их был насколько прост, настолько же и неуклюж. Если нужно было написать цифру один, писали: I, два – II, три – III и т. д. – по величине цифры – количество палочек. Оперирование с однозначными цифрами еще не представляло затруднений... Но двузначные и трехзначные занимали целую страницу единиц, и чтобы сосчитать их, приходилось тратить непроизвольно уйму времени. А цифру «миллион» и совсем нельзя было написать: она занимала место, равное расстоянию от Парижа до Марселя.

Таким образом, ясно, какое громадное значение для культуры и торговли имели арабские цифры, и можно вообразить, как гордились своей выдумкой арабы, задирая кверху свои черные, сожженные солнцем носы...

Книгопечатание на первых порах стояло на самой жалкой низкой ступени. Если бы Иоганна Гуттенберга, изобретателя книгопечатания, привести теперь в самую ординарную типографию, печатающую свадебные приглашения и меню, и по-

казать ему обыкновенную типографскую машину – он ничего бы в ней не понял и, пожалуй, выразил бы желание «покататься» на маховом колесе.

Во времена Гуттенберга печатали книги так: на деревянной доске вырезывали выпуклые буквы, намазывали черной краской и, положив на бумагу доску, садились на нее в роли подвижного энергичного пресса. От тяжести типографа и зависела чистота и четкость печати.

Вся заслуга Гуттенберга заключалась в том, что он напал на мысль вырезать каждую букву отдельно и уже из этих подвижных букв складывать слова для печати. Кажется, – мысль пустяковая, а не приди она Гуттенбергу в голову, книгопечатание застряло бы на деревянных досках, и человечество до сих пор сидело бы в каком-нибудь семнадцатом веке, не догадываясь о причине своей отсталости. Ужас!

Будучи сообразительным человеком по части книгопечатания, Гуттенберг в жизни был сущим ребенком, и его не обманывал и не обсчитывал только ленивый... История говорит, что он вошел в компанию с каким-то золотых дел мастером Фаустом. Тот типографию забрал себе, а Гуттенберга прогнал. Гуттенберг опять нашел какого-то, как гласит история, «очень богатого отзывчивого человека». Отзывчивый человек тоже присвоил себе типографию, а Гуттенберга прогнал. В это время нашелся еще более отзывчивый человек – архиепископ Майнцский Адольф. Он принял Гуттенберга к себе, но не платил ему ни копейки жалованья, так что Гут-

тенберг избавился от голодной смерти только поспешным бегством. Так до конца жизни Гуттенберг бродил от одного мошенника к другому, пока не умер в бедности.

2. Магнитная стрелка

Что касается другого важного изобретения в истории человеческой культуры – магнитной стрелки, – то пишущий эти строки так и не добился толку: кем же, в сущности, магнитная стрелка выдумана?

По одним источникам, ее изобрел какой-то Флавио Джойо из Амальфи, по другим – она была известна еще во времена крестовых походов.

Вот и разберись тут.

На всякий случай Джойо соотечественники поставили памятник, и так как патент на эту остроумную выдумку (не на памятник, а на магнит) никем не заявлен, то магнитные стрелки теперь может изготавливать всякий, кому придет охота.

По мнению пишущего эти строки, все-таки для историков остался один путь, с помощью которого можно легко проверить, изобрел ли магнитную стрелку действительно Флавио Джойо?

Стоит только выяснить – умер ли он в нищете? Если это так, – значит, он и изобрел компас.

Примеры Гуттенберга, Колумба и других в достаточной мере подтверждают это правило.

3. Порох

Не менее загадочна история с изобретением пороха. Молва приписывает эту заслугу монаху Бертольду Шварцу, но так как нет данных, свидетельствующих о том, что он умер в нищете, то и причастность Шварца к делу «об изобретении пороха» довольно сомнительна.

Предлагаем читателю на выбор: Бертольда Шварца или еще одного монаха Роджера Бэкона, которому приписывалось изобретение пороха еще в XIII веке.

О последнем в истории сказано:

«...Он умел составлять порох, заподозрен в ереси, подвергся преследованию и умер в тюрьме».

Это показывает, что уже в те времена всеми сознавалась разрушительная сила пороха и против нее принимались радикальные меры.

Изобретение пороха произвело коренной переворот в военном искусстве.

Раньше опытные, закаленные в боях воины поступали так: заковывали себя с ног до головы в железо, вскарабкивались с помощью слуг на лошадь и бросались в битву. Враги насккивали на такого воина, рубили его саблями, кололи ножами, а он сидел, как ни в чем не бывало, и иронически поглядывал на врагов. Если его стаскивали за ногу с лошади, он и тут не терялся: лежал себе на земле и иронически поглядывал на

врагов. Те долго и тщетно хлопотали вокруг этой гигантской замкнутой устрицы, не зная, как открыть ее, как достать из-под железа хоть кусочек живого человеческого мяса... Провозившись бесплодно несколько часов над рыцарем, враги почесывали затылок и, выругавшись, бросались на других врагов, а к победителю приближались верные слуги и снова втаскивали его на коня.

Так и возили это бронированное чучело с места на место, пока враги не обламывали об него свое холодное оружие и не сдавались в плен.

С изобретением пороха дела храбрых замкнутых рыцарей совсем пришли в упадок. Стоило стащить такого рыцаря с лошади и подложить под него фунта два пороху, как он сейчас же размыкался, разлетался на части и приходил в совершенную негодность.

Таким образом, изобретение пороха повело к упразднению личной храбрости и силы... Военное дело было реорганизовано, появились ружья, пушки, укрепленные города застрещали, а дикари, незнакомые с употреблением огнестрельного оружия, впали в совершенное уныние. Европейцы их били, колотили и презирали на том основании, что они:

– Пороху не выдумали!

4. Открытие Америки

Очевидцы утверждают, что Америка была открыта Христофором Колумбом, прославившимся, кроме того, своей силой и сообразительностью; во время диспута с учеными Колумб, в доказательство шарообразной формы Земли, раздавил на глазах присутствующих – без всяких приспособлений – куриное яйцо. Все ахнули и поверили Колумбу.

Разрешение на открытие Америки Колумб получил условно, т.е. в договоре правительства с Колумбом было сказано буквально так:

«Мы, Фердинанд Арагонский с одной стороны и Христофор Колумб с другой – заключили настоящий договор в том, что я, Фердинанд, обязуюсь дать ему, Колумбу, денежные средства и корабли, а он, Колумб, обязуется сесть на эти корабли и плыть, куда придется. Кроме того, упомянутый Колумб обязуется наткнуться на первую подвернувшуюся ему землю и открыть ее, за что он получает наместничество и десятую часть доходов с открытых земель».

Относясь чрезвычайно почтительно к памяти талантливого Колумба, мы тем не менее считаем себя обязанными осветить эту личность с совершенно новой стороны, непохожей на ту, которая была создана исторической рутинной.

Вот что мы утверждаем:

1) Выезжая впервые из гавани Палоса (в Испании), Ко-

лумб думал только об отыскании морского пути в Индию, не помышляя даже об открытии какой-то там Америки. Так что тут никакой заслуги с его стороны и не было.

2) Во-вторых, никакой Америки даже нельзя было и «открыть», потому что она уже была открыта в X веке скандинавскими мореходами.

3) И, в-третьих, если бы даже скандинавские мореходы не забежали вперед – Колумб все равно никакой Америки не открывал. Пусть проследят читатели все его поведение в деле «открытия Америки...». Он плыл, плыл по океану, пока один матрос не закричал во все горло: «Земля!» Вот кто и должен был бы по-настоящему считаться открывателем Америки – этот честный, незаметный труженик, этот серый герой... А Колумб оттер его, выдвинулся вперед, адмиральский напялил мундир, вылез на берег, утер лоб носовым фуляровым платком и облегченно вздохнул:

– Ф-фу! Наконец-то я открыл Америку!

Многие будут спорить с нами в этом пункте, многие отвергнут нашего матроса... Хорошо-с. Но у нас есть и другое возражение: в первый свой приезд Колумб никакой Америки не открывал. Вот что он сделал: наткнулся на остров Сан-Сальвадор (Гванагани), вызвал в туземцах удивление и уехал. Едучи, наткнулся на другой остров – Кубу, высадился, вызвал в туземцах удивление и уехал. Сейчас же наткнулся на третий остров Гаити – по своей, уже укоренившейся привычке высадился, вызвал в туземцах удивление и уехал до-

мой в Испанию. Спрашивается, где же здесь открытие нового материка, если тщеславный моряк повертелся среди трех островов, вызвал в туземцах удивление и уехал?

Наш скептицизм разделялся многими даже в то время. По крайней мере, когда Колумб вернулся в Испанию и сообщил о своем открытии, – некоторые просвещенные люди, знавшие о посещении скандинавами новой страны еще в X веке, – пожимали плечами и, смеясь, язвили Колумба:

– Тоже! Открыл Америку.

С тех пор эта фраза и приобрела определенный смысл иронии и насмешки над людьми, сообщавшими с торжественным видом об общеизвестных фактах.

Что можно поставить Колумбу в заслугу – это его умение производить на туземцев впечатление и вызывать в них искреннее удивление. Правда, нужно признаться, что удивлялись обе стороны: красные индейцы при первой встрече с диким видом рассматривали белых европейцев, а белые европейцы с ошеломленными лицами глядели на красных безбородых людей, у которых вся одежда состояла из собственного скальпа, лихо сдвинутого набекрень.

Налюбовавшись в достаточной мере друг на друга, белые и красные приступили к торгу. Обе расы искренне считали друг друга круглыми дураками.

Белые удивлялись втихомолку:

– И что за идиоты эти дикари! Золотые серьги, кольца и целые слитки они отдают в обмен на грошовое зеркальце или

десяток разноцветных стеклянных бус.

А дикари тоже тихонько подталкивали друг друга локтями, хихикали и качали головами с самым безнадежным видом:

– Эти белые смешат нас до упаду своей глупостью: за простой желтый кусочек, величиной не более кулака, они отдают целое не разбитое зеркало или целый аршин красного великолепного кумача!

С последующими посещениями Колумбом Америки меновая торговля росла и развивалась.

Испанцы привезли индейцам кожи, ружья, порох, рабство и склонность к грабежам и пьянству.

Благодарные индейцы отдали их картофелем, табаком и сифилисом.

Обе стороны поквитались, и никто не мог упрекнуть друг друга в отсутствии щедрости: ни Европа, ни Америка.

После третьего плавания в Америку Колумб стал уже подумывать о тихой спокойной жизни без тревог и приключений... В этом ему пришел на помощь сам испанский король Фердинанд: он заковал Колумба в цепи и посадил в тюрьму. Так как в то время всех выдающихся чем-либо людей обыкновенно сжигали, то эта королевская милость Колумбу вызвала у последнего много завистников.

Из них в истории известен Кортес, завоевавший Испанию Мексику и снискавший у добродушного короля такое же расположение, как Колумб...

5. Завоевание Мексики и Перу

Завоевание Мексики и Перу считалось в то время очень значительным событием, но совершилось оно очень просто...

Один храбрый офицер по имени Фердинанд Кортес несколько раз приставал к испанскому королю Карлу с просьбой послать его в какую-нибудь экспедицию. Кортес так надоел королю своим беспокойным характером, что тот однажды послал его к черту.

Придравшись к этому случаю, храбрый Кортес назвал себя посланником короля, взял отряд из 500 человек и явился в Мексику.

Дальнейшее пошло как по маслу: сначала испанцы поубивали многих туземцев, потом туземцы порядочно пощипали испанцев, убив мимоходом в увлечении дракой даже собственного короля Монтесуму.

Убедившись, что Монтесума не оживет, племянник его Гватемосин перескочил через мертвого дядю и уселся на престол с видом завязанного короля... Испанцы осадили столицу Мексики, взяли ее приступом, туземцев снова поубивали, а Гватемосина изжарили на углях, чего он не мог простить победителям до самой смерти.

В то же время завоевательная лихорадка распространилась повсюду: завоевывал туземцев и новые страны всякий,

кому было не лень.

Обыкновенно, если несколько друзей собирались за выпивкой, кто-нибудь сейчас же предлагал:

– А что, господа, не завоевать ли нам какую-нибудь страну?

– Ну что ж... можно, – соглашались гуляки, и все немедленно гурьбой ехали к робким запуганным индейцам.

Десяток нахальных, развязных завоевателей без труда убеждал многотысячное индейское войско, что для них самое лучшее – покориться.

Почему – в это никто не входил. И, конечно, индейцам ничего не оставалось, как покоряться. И они покорялись.

Таким образом, Писарро завоевал Перу, а его компаньон по выпивке какой-то Альмагро отбился на пути от компании, заблудился и, наткнувшись на страну Чили, покорил ее один-одинешенек. И страшно-то ему было, и странно, и скучно, да ничего не поделаешь – пришлось покорять.

6. Торговля неграми

Открыв Америку, испанцы стали заставлять индейцев работать в рудниках и плантациях. Нежные, не привыкшие к работе индейцы (до сих пор вся их работа сводилась к взаимному сдиранию скальпов, в чем некоторые отличались замечательным проворством и трудоспособностью) – умирали, как мухи.

Сердце одного доброго человека, по имени Лас Касас, разрывалось от жалости к несчастным индейцам.

Добрый Лас Касас стал усиленно хлопотать об освобождении индейцев.

– Какой вы чудак! – возразили ему плантаторы. – Кем же мы их заменим?

– Да африканскими неграми. Очень просто!

Совет был принят к сведению. Его исполняли так рьяно, что вся Африка скоро затрещала и почти опустела.

Освобожденные индейцы все равно вымирали, но теперь к ним присоединились и негры: они тоже вымирали.

Добрый находчивый Лас Касас особенной популярностью среди негров не пользовался, хотя история навсегда сохранила за ним титул «защитника угнетенных».

Теперь он уже умер.

Раздоры и драки из-за Италии и проч.

Французские короли, начиная с Карла VIII, давно уже точили зубы на Неаполитанское королевство. Дело в том, что с незапамятных времен в этой стране почему-то королевствовали французы. Гораздо проще было, конечно, если бы на итальянском престоле сидел итальянец, но народы того времени были так простодушны, что не входили в подобные тонкости.

– Сидит себе на престоле какой-то человек, ну и пусть сидит. Лишь бы не драл семь шкур с жителей, а довольствовался двумя-тремя...

Таким образом, однажды на престол сел француз Карл Анжуйский и немедленно сделал вид, что иначе и быть не может. Так тянулось много лет, но однажды какой-то его наследник отлучился на минутку, и этого было достаточно, чтобы на престол сейчас же села Арагонская фамилия. Французскому королю Карлу VIII это показалось обидным. Он набрал войско и пошел на Италию; Арагонская фамилия, видя, что дело нешуточное, убежала в Испанию, а неаполитанцы ограничились тем, что лениво осмотрели нового короля и пожали плечами.

– Ну садись ты. Тот король, правду сказать, был не осо-

бенный.

Но французский король оказался еще хуже: он грабил и притеснял неаполитанцев вовсю, как будто бы его готовили к этой профессии с детства.

Пришлось изгонять нового короля, возвращать старого.

Эта канитель тянулась довольно долго. Следующий король Людовик XII тоже косился на неаполитанский престол и даже заключил с Фердинандом Католиком договор с целью сообща стянуть у Арагонской фамилии этот престол.

Но Фердинанд Католик оказался таким пройдохой, которого свет не производил. При разделе завоеванного Неаполитанского королевства он обсчитал Людовика и вступил с ним в драку. Испанцы со стороны подошли, посмотрели на эту драку и потихоньку уселись сами на злосчастный неаполитанский престол.

Неаполитанцы согласились и с этим:

– Испанцы так испанцы.

Во время этих взаимных затрещин и потасовок выдвинулся один французский рыцарь – Баярд. Выдвинулся он своей храбростью и главным образом честностью.

Впрочем, выдвинуться последним качеством в то время было легко, так как мошенничество считалось самым обыкновенным делом и сидело даже в королевской крови (см. Иловайского «Новая История»).

Например, Людовик XII упрекал Фердинанда Католика в том, что тот обманул его два раза!

Самолюбивый Фердинанд обиделся, королевская его кровь закипела, и он воскликнул:

– Лжет он, пьяница! Я обманул его не три, а десять раз!

Конечно, Баярду легко было выдвинуться и прославиться при этих условиях... А в наше время был бы он обыкновенным, ординарным порядочным человеком, как мы с вами...

Людовику XII наследовал Франциск I. Жестоко ошибется тот, кто подумает, что Франциск не завоевывал Италии. История даже говорит так:

– Первым делом его был поход на Италию.

До сих пор непонятно, что, собственно, нужно было французским королям от Италии?

Конечно, Франциск взял Милан, конечно, новоиспеченный император германский Карл V сейчас же выгнал его отсюда с целью самому завладеть итальянским престолом. А Франциск снова вернулся в Милан и выгнал Карла. А Карл опять выгнал Франциска, разбил его наголову и захватил в плен.

Ну хорошо ли все это? Спрашивается, при чем здесь были все время несчастные посторонние итальянцы?

В истории эта неразбериха называется очень громко: «Борьба за Италию»!

Подводя итоги «Борьбы за Италию», мы удивляемся только одному: как присяжные историки разбираются во всех этих однообразных неинтересных именах. У народов того времени фантазии не было никакой: всякого короля они на-

зывали Карлом или Людовиком и разбирали их только по ничему не говорящим римским цифрам позади имени. Изредка давали им прозвища, но и то – самые нехарактерные: – Фердинанд Католик, Филипп Красивый, Карл Испанский.

Что типичного в том, что Фердинанд был католик? А другие короли разве не были католиками?.. Филипп назывался Красивым. А остальные как же... Были, значит, некрасивыми. Тем более что одного Людовика тоже называли Красивым.

Можно было бы еще разобраться по национальностям, которые указывались около имен, но это было совсем рискованно и очень нескладно... Например, Карл Испанский на самом деле был не испанским, а германским императором. Почему он, в таком случае, Испанский? Почему Анна Австрийская была на самом деле французской королевой?

И много, много еще странного есть во всеобщей истории...

Религиозная путаница в Германии

Начало коренной ломки католичества положили так называемые гуманисты, прямой противоположностью которых являлись так называемые обскуранты.

Для ясности попробуем в двух-трех обыкновенных, понятных словах охарактеризовать тех и других, руководствуясь при этом тем впечатлением, которое осталось у нас после тщательного штудирования эпохи Реформации.

Так называемые гуманисты: порядочные, умные, интеллигентные люди, без косности и предрассудков.

Так называемые обскуранты: невежественные глупцы, темные и злые дураки.

Из этих душевных свойств вытекали и поступки тех и других...

Одни писали умные книги, другие сжигали их; одни говорили здравые человеческие слова, другие, возражая им, несли невозможную чушь, так что, по словам одного летописца того времени:

«Уши вянут, когда слушаешь обскуранта».

Правда, гуманисты тоже иногда впадали в ненужную крайность. Каждый гуманист думал, что умнее его никого и нет, и сейчас же выдумывал новое религиозное усовершенствование, проповедовал новую, свою собственную (остерегаться подделок!) веру...

Повторилась та же история, что с изобретениями и открытиями: появилась мода на изобретения – все бросились изобретать что попало: книгопечатание, порох, магнитную стрелку... Эту моду сменила другая: открывать. Все лихорадочно ринулись открывать, – что подвернется под руку, без всякого толку и смысла...

Понаоткрывали разных земель – мода устарела... Уже считалось признаком дурного тона, старомодным провинциализмом – открыть какую-нибудь новую землю. Проезжая мимо не открытых еще земель, мореплаватели делали вид, что не замечают их.

Образовалась в душах пустота – и пустота эта стала заполняться разными верованиями.

Кажется, достаточно было того, что один умный религиозный человек, так наз. Мартин Лютер, исправил католическую религию, довел ее до простоты, очистил от многих ошибок и заблуждений. Нет! Появился еще какой-то Цвингли, который перевернул вверх дном всю Швейцарию, доказал, что Лютер – постепеновец, обвинил его чуть ли не в октябризме² и стал устраивать религию по-своему: запретил церковное пение, свечи и даже велел вынести из церквей все изображения святых.

Отсюда и пошла известная швейцарская поговорка: «Хоть

---

² *Октябризм* – здесь автор намекает на политическое течение в дореволюционной России, представленное партией «Союз 17 октября», названной от царского манифеста 17 октября 1905 года. Октябристы в Государственной думе блокировались с кадетами и монархистами.

святых вон выноси» (1531 г.).

Проповеднику по имени Кальвин не понравился ни Лютер, ни Цвингли. Он потер себе лоб и выдумал новое вероучение, сущность которого заключалась в предопределении. Кальвин уверял, что люди заранее назначены – одни к вечному спасению, другие к вечной гибели. Конечно, проповедуя это, Кальвин, по своей теории, ничем уже и не рисковал в будущей жизни. Раз ему заранее было назначено то или другое – Кальвин делал в текущей жизни, что ему вздумается.

По имени Кальвина его последователи стали называться гугенотами, но даже и этот псевдоним не спас их от истребления (см. оперу «Гугеноты»).

Некоторое время гугеноты под именем пуритан еще держались в Англии (Шотландия), но и там они постепенно вывелись. Теперь среди англичан и днем с огнем не найдешь пуританина – все едят кровавые ростбифы, ходят в кинематограф и даже изредка женятся друг на друге.

Так, по свидетельству беспристрастной истории, все религии постепенно вырождаются, мельчают и меркнут.

Личность Мартина Лютера. Как и большинство людей его сорта, Мартин Лютер имел «ввалившиеся горящие глаза, вдохновенный вид и говорил убедительно, смело, открыто и горячо».

Так, например, когда профессор Эк вызвал его на религиозный спор, Лютер стойко выдержал Эковы нападки и защищался, как лев. Выслушав мнение Лютера об Иоганне Гуссе,

Эк сказал:

– С этих пор, достопочтенный отец, будьте вы мне, как язычник и мытарь.

– Сам-то ты хорош! – ответил ему Лютер (Шлезенг, II ч. стр. 143), чем этот исторический диспут и закончился.

Спрашивается: какая же причина побудила Лютера принять лютеранство? История отвечает на это: папские индульгенции!

Индульгенциями назывались свидетельства, вроде тех, которые выдаются теперь «о прививке оспы».

На первый взгляд это были простые продолговатые бумажки, но в них заключалась удивительная сила: стоило только купить такую бумажку, – и покупателю отпускались грехи, не только прошедшие, но и будущие.

Перед тем, как зарезать и ограбить семью, разбойник шел к монаху и, поторговавшись до седьмого поту, покупал индульгенцию...

Иногда, не имея денег, брал ее в кредит.

– Ничего, – говорил обыкновенно добродушный монах. – Отдашь после, когда зарежешь. Вы наши постоянные покупатели, как же-с!..

Если бы пишущий эти строки имел в кармане индульгенцию, которая отпустила бы ему нижеуказанный грех, он сказал бы: все католические монахи того времени были каналы и мошенники, а все разбойники круглые дураки.

Как это ни удивительно, учение Лютера пришлось по вку-

су именно влиятельным князьям и курфюрстам. В особенности нравилась им та часть учения, которая доказывала, что монастыри не нужны, что можно спастись и без монастырей. В припадке религиозного фанатизма курфюрсты позакрывали все монастыри, а имущество монастырское и земли секуляризировали.

– Послушайте, – возражали монахи, – зачем же вы отнимаете у нас наше добро?

– Мы не отнимаем, – оправдывались курфюрсты, – а секуляризируем.

– А, тогда другое дело, – говорили успокоенные монахи и, убегая в горы, предавали курфюрстов и самого Лютера навеки нерушимому проклятию... (Комминг. «Начало реформации». С. 301.)

Таким образом, совершенно незаметно Лютер сделался официальным революционером при дворах курфюрстов и князей...

В этот период его жизни «ввалившиеся горящие глаза» перестали вваливаться и гореть, щеки округлились, и, хотя он по-прежнему говорил «смело, открыто и горячо», но вот уже каковы были его смелые горячие речи (после восстания крестьян, притесняемых дворянами):

– Этих мятежников нужно убивать, как бешеных собак.

Курфюрсты не могли нарадоваться на своего протеже...

Несмотря на все это, популярность лютеранства так возросла, что появились даже подделки.

Происходило то же, что теперь происходит с аэропланами.

Аэроплан придуман и усовершенствован был одним человеком... Но другие хватались за это изобретение, приделывали сбоку какой-нибудь пустяковый винтик или клапан – и выдавали весь аппарат за продукт своего творчества.

Так – появились анабаптисты... Это были те же лютеране, но имели свой собственный клапан: многоженство и вторичное крещение детей.

Мало этого – какой-то священник Меннон³ заинтересовался анабаптизмом, ввел в него какой-то пустяк и основал секту меннонитов.

У Меннона уже никто не хотел заимствовать его изобретения – аппарат принадлежал к категории тех, которые не летают...

---

³ Правильно: *Менно Симоне*. Меннониты проповедуют смирение, отказ от насилия, верят во «второе пришествие Христа».

Иезуитский орден

Иезуитский орден – есть такой орден, который все человечество, помимо всякого желания, уже несколько веков носит на своей шее.

К сожалению, люди до сих пор не научились вешать этот орден как следует.

Франция и гугеноты

В наше время при спорах с противником приходится тратить много времени, ума и красноречия, чтобы убедить его или, по крайней мере, разбить его доводы. В прежние времена народ был проще, прямолинейнее, и когда, например, А вступал с Б в спор, то если А был сильнее и могущественнее – он сжигал Б на костре, а если более сильным оказывался Б – А немедленно попадал на костер и корчился там, и вопил, и жаловался на свою суровую судьбу, пока вкусный запах жареного мяса, донесшись до Б, не показывал ему, что А убежден совершенно в правоте своего противника.

Например, во время послеобеденной прогулки А ведет с Б дружеский разговор:

А. Удивительно, как это просто: оказывается, что Земля имеет форму шара. Я сегодня только об этом узнал и, признаюсь, поражен гениальностью открытия...

Б. (иронически прищурившись). Да? Ты уверен в том, что Земля имеет форму шара?

А. Ну конечно! Это ясно даже младенцу.

Б. (иронически). Да? Ясно? Младенцу? А я тебе скажу, милый мой, что Земля совершенно плоская.

А. (еще более иронически). Не-у-же-ли? Где же она, в таком случае, кончается?

Б. (разгорячившись). Где? Да нигде!

А. Друг! Но ведь это же чушь. Ну тянется она на тысячу верст, ну еще на десять тысяч, но ведь конец-то где-нибудь должен быть?

Б. Черт его знает. Нету конца, да и все.

А. Слушай же! Земля имеет форму шара – и больше никаких! Если какой-нибудь старый осел возразит: почему же мы, в таком случае, не скатываемся? – то я, во-первых, спрошу этого кретина: куда? а во-вторых, сообщу этому чурбану: потому что существует земное притяжение!

Б. (горько). Да? Земное притяжение? А что ты скажешь, когда я тебя немножко погрею?

А. Я... тебя не понимаю.

Б. Где же тебе понять старого осла... Эй, люди! Тащи вязанку дров, веревок и огонь.

А. Ты этого не сделаешь!!!

Б. Бери его. Вяжи! Огонь принесли? Так. Внизу лучинок положите, чтобы разгорелось. Ну вот. Раздувай! (Опускается около костра на корточках и обиженно спрашивает.) Ты и теперь утверждаешь, что Земля круглая?..

А. (корчась). Ну... не совсем круглая, а такая... овальная!..

Б. (с горьким смехом). Овальная? А ну, ребятки, поддай.

А. (лязгая зубами). В сущности, «овальная» я употребил как метафору...

Через пять минут А начинает предполагать, что он ошибся: пожалуй, Земля и в самом деле плоская.

Б. (добродушно). Ну вот видишь! Я знаю, меня не переспоришь.

В те времена подобные диспуты назывались: попасть на огонек.

В настоящее время эта фраза имеет значение более идиллическое и употребляется преимущественно мелкими чиновниками, которые изредка заходят к приятелю убить мирно вечерок.

Король французский Франциск I считал себя человеком неглупым, понимающим, где раки зимуют, и поэтому жег на костре всякого, кто смотрел на религию другими глазами, чем он. Сын его Генрих II наследовал светлый ум отца, присоединив к нему изумительное трудолюбие (жег еретиков десятками там, где родитель ограничивался единицами). Кончил же Генрих II тем, что вызвал однажды на турнир капитана своей гвардии Монтгомери, – полагая, что король должен быть не только самым умным, но и самым сильным человеком. Но Монтгомери попал ему копьем не в бровь, а в глаз, и глубоко, до самого мозга, разочаровал своего повелителя в его способностях...

После Генриха II пошел народ мелкий, ничтожный, почти ничем не прославившийся... Например, Франциск II был известен только тем, что состоял мужем знаменитой Марии Стюарт. Таких «мужей знаменитости» и в наше время можно встретить сколько угодно в уборной певицы или драма-

тической актрисы. Они, обыкновенно, смирененько сидят в уголку и ждут, когда жена окончит спектакль – чтобы, закутав ее в шубу, везти домой.

Брат Франциска II Карл IX был знаменит тем, что за него управляла мать, Екатерина Медичи.

Нужно сказать правду: это был такой период королевского владычества во Франции, который очень хорошо характеризовался меткой фразой летописца:

– Француз ума не имеет, и иметь таковой почитает величайшим для себя несчастьем.

В самом деле – даже теперь все удивляются: что нужно было французам? Одни были католиками – ну и пусть. Другие гугенотами – пожалуйста! Сидите смиренно и занимайтесь своими делами. Так католик, извольте видеть, не мог заснуть спокойно, пока не зарежет на сон грядущий гугенота. А гугеноты (из тех, которые еще не были зарезаны) спали и видели, как бы подстроить гадость католику. Противно читать даже эту позорную страницу французской истории. Ведь все равно эти религиозные дураки, с ног до головы залитые чужой и своей кровью, столько же имели шансов на царствие небесное, как любой уличный негодяй и разбойник. И ни одного в то время откровенного слова об этом, ни одного умного человека! Пишущий эти строки иногда даже кусает себе губы от досады: отчего его там не было?..

Варфоломеевская ночь

Грубые, глупые, коварные католики истребляли глупых простодушных гугенотов, как ретивые горничные клопов в барской постели.

Например, если нужно было католикам поубивать гугенотов, они делали это просто:

– Гугеноты, – говорила Екатерина Медичи (женщина, которую теперь не уважает даже мальчишка из третьего класса гимназии). – Гугеноты! Хотите, я выдам замуж сестру короля за вашего Генриха Наваррского?.. Не бойтесь! Приезжайте в Париж. Мы вас не тронем. Наоборот, проведем с вами очень веселую Варфоломеевскую ночь (1572).

Гугеноты, конечно, еще не знали, что такое «Варфоломеевская ночь», обрадовались, приехали в Париж, и им там устроили такую ночь, что гугеноты до сих пор не могут вспомнить о ней без отвращения.

Это произошло при короле Карле IX – слабой, безвольной душонке. Летописец того времени характеризует его так:

– Это второй зять Мижуев из «Мертвых душ». После него царствовал Генрих III, о котором даже говорить не стоит – такой это был никчемный человек!

Генрих Наваррский

А следующим королем был Генрих IV Наваррский. Его считают самым порядочным из людей того времени. Отношение к религии у него было благодушное, с оттенком настоящей веротерпимости... Начал он с того, что был гугенотом. Но после Варфоломеевской ночи, пойманный королем, он имел с ним разговор (см. беседу А и Б о земном шаре), после которого перешел в католичество. Однако, стоило только гугенотам начать новую войну с католиками, как Генрих немедленно сделался гугенотом. Но тут вышла маленькая загвоздка: протестанты провозгласили его королем, а католики-парижане не хотели его признавать.

– Чего же вы хотите? – спросил их веселый Генрих.

– Если бы ты был католиком... – нерешительно возразили парижане.

– Только-то? Да господи! Где тут у вас церковь?

И, принятый в лоно католической церкви, сказал историческую фразу:

– Господа! Вот вам историческая фраза: «Париж стоит хорошей обедни».

Это был весельчак, не дурак выпить, любитель женщин и храбрый рубака. Нам он вообще очень симпатичен. Народ свой он очень любил. Ему принадлежит еще одна историческая фраза:

– Господа! Вот вам еще одна историческая фраза: «Я желал бы, чтобы каждый французский крестьянин мог по праздникам иметь в супе курицу...»

Узнав, что это историческая фраза, окружающие запомнили ее, и до сих пор французы, гордясь добрым королем, показывают в Луврском музее хорошо сохранившееся чучело той самой курицы, которую Генрих IV хотел видеть в супе своих крестьян.

К сожалению, этот прекрасный король был убит по наущению иезуитов (читатель! остерегайся иезуитов). Вообще, короли того времени умирали или от руки убийц (Генрих III, Генрих IV), или от угрызений совести (Карл IX, Людовик XIII и др.).

Кардиналы

После Генриха IV на престол вступил кардинал Ришелье и, как свежий человек, быстро привел дела Франции в порядок. Ему наследовал престол кардинал Мазарини, человек не менее свежий (настолько, что Анна Австрийская, женщина уже не первой молодости, тайком вышла за него замуж).

Около этих двух королей кормились еще два Людовика: XIII и XIV, – но они не мешались ни во что, и благодарная история пожимает им за это руки.

Мы бы рассказали подробнее о вышесказанном любопытнейшем периоде французской истории, но не хотим отбивать хлеб у нашего коллеги, который употребил на это всю свою жизнь (Александр Дюма. «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»).

Дюма рассказывает об этом периоде гораздо подробнее – болтливый, как всякий француз... То, что можно сказать на двух страницах, – он растянул на три с половиной тысячи страниц.

Впрочем – бог с ним.

Всякому есть хочется.

Тюдоры, Стюарты и К°

Первым королем из фамилии Тюдоров в Англии был Генрих VII, а вторым – Генрих VIII.

Последний отличался семейными наклонностями. Жена-тый на принцессе Екатерине Арагонской, он через 20 лет супружеской жизни вспомнил, что жена его раньше была замужем за покойным братом, и развелся с ней. Женился на Анне Болейн. После нее – еще на одной девушке Иоанне Сеймур; и еще на одной; он даже не помнил ее имени... и еще на одной; и еще на одной. Таким образом, у него было шесть жен, – не хватало еще седьмой, чтобы борода его посинела.

История Тюдоров и Стюартов напоминает Ветхий Завет наизнанку... Там – Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков – и т. д.

А вот подлинная история Тюдоров и Стюартов: Генрих VIII казнил жену свою Анну Болейн. Мария Стюарт казнила своего мужа Дарнлея. Королева Елизавета казнила королеву Марию Стюарт.

Кромвель казнил короля Карла I. Иаков II казнил сына Карла II, герцога Монмута. И только на Иакове II прекратилась эта странная династия: Иакова II никто не казнил, а просто он, как гласит история: «забросил в Темзу государственную печать, а сам убежал».

В это же время в Англии несколько раз менялись рели-

гии: один король был ревностным католиком и насаждал католичество, убивая еретиков; другой король вспоминал, что Англия не хуже других стран, и вводил какую-нибудь новую веру, вроде англиканской, убивая еретиков. Опять приходилось прежних католиков переделывать на пуритан; но сядил-ся на престол следующий король... пуритане ему решительно не нравились. То ли дело католики!

И опять начиналась длинная процедура перекрещивания уже несколько раз перекрещенных англичан. Священники наживались на этих старых крестинах, а народ скучал в такой однообразной жизни, разорялся и бедствовал, – пока не пришел Кромвель. Это был хитрый мужичок, который хотя и обладал «голосом хриплым и монотонным, речью растянутой и грубою, а одевался небрежно», но когда он сказал своим хриплым монотонным голосом:

– Довольно!

Все поняли, что действительно «довольно». Кромвель ввел парламент, поднял английскую торговлю и мореплавание; за это благодарные англичане поднесли талантливому самородку титул «Оливера», который до сих пор красуется в истории рядом с его именем. Так отблагодарила Англия своего великого человека.

При Карле II возникла война ториев и вигов. Кто же это, спрашивается, такие?

Понятнее всего для читателя будет, если мы прибегнем к приему, уже однажды нами использованному:

Тори – плохие, глупые, тупые, косные люди.

Виги – симпатичные, прогрессивные, очень хорошие люди.

Благодаря усилиям последних, в Англии был издан закон под названием *habeas corpus*⁴. У русского читателя потекли бы слюнки, если бы он узнал, что это такое... Но по цензурным условиям мы объяснить этого не можем.

---

⁴ Habeas corpus (*лат.*) – название Закона о свободе личности, принятого английским парламентом в 1679 году. По этому закону никто без решения суда не мог подвергнуть кого-либо задержанию или аресту. Каждый гражданин в случае ареста имел право требовать, чтобы в течение суток ему было предъявлено судебное обвинение, а при отсутствии такового требовать освобождения из-под ареста.

Великие люди

Во время всех вышеприведенных передраг и смут появился в Англии Шекспир. Это был хотя и знаменитый писатель, но рост имел очень маленький, почему о нем впоследствии и говорили:

Сапоги выше Шекспира!

Другой знаменитый человек того времени был Бэкон, отец «опытной» философии. Он доказал, как дважды два, что единственный путь к достижению истины есть наблюдение над правдой, исследование действительности (Иловайский. «Нов. История»). Это учение имело такой успех, что Бэкона сделали государственным канцлером. Но однажды наехала в суды ревизионная комиссия, рассмотрела состояние судопроизводства в Англии и выяснила, что Бэкон брал взятки и, вообще, совершал всякие злоупотребления. Его посадили в тюрьму.

Таким образом, его же теория (наблюдение и исследование действительности) послужила ему только во вред.

Был еще в Англии в те времена Мильтон, но он был совершенно слепой.

Дания, Швеция и Норвегия

Об этих странах лучше всего ничего не писать... В самом деле: кто их знает? Кто ими интересуется? Решительно никто.

Появились там три великих человека: Ибсен, Бьёрнстjerne-Бьернсон и Гамсун, да и то в самое последнее время.

А раньше был только один Ваза⁵.

И все у них было как-то несерьезно, по-детски – будто игра в куклы. Страны были маленькие, ничтожные, а тянулись за большими, подражали взрослым: так же устраивали политические восстания, казнили противников и, конечно, вводили Реформацию. Но все было у них на детский рост: вместо войн – стычки, вместо казней – пустяки.

Да и Реформация была какая-то такая...

Что же это за история?

---

⁵ Ваза (Васа) – шведская королевская династия в 1523–1654. Основатель Густав I.

Польша

И Польша то же самое: никакого толку в ней не было. Кажется, и люди были умные, и воины храбрые – а все-таки ничего у них не клеилось...

Была, по моде того времени, взамен католической, своя собственная вера, но какая-то странная: антитринитари⁶. Что это такое – и до сих пор никто не знает.

С королями тоже не ладилось.

Стоило только прекратиться роду королей Сигизмундов, как стали приглашать на престол кого попало: французского принца Генриха Анжуйского, давшего потом потихоньку тягу во Францию; какого-то седмиградского воеводу Батория; шведского принца Сигизмунда и многих других.

В газетах того времени нетрудно было встретить объявление такого рода:

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

ищет трезвого, хорошего поведения короля.

Без аттестата от последнего места не являться.

Человеку ограниченному может показаться странным:

Как так не найти короля?

Дело объяснялось очень просто: «король» – было только

---

⁶ Антитринитари⁶ – приверженцы течения, секта в христианстве, не принимающие один из основных догматов христианства – догмат Троицы.

такое слово, – и больше ничего. Никакой власти королю не давалось. Всякий делал, что хотел, и это называлось *liberum veto*⁷. И частенько по ночам плакали короли в подушку от этого *liberum veto*...

Удивительнее всего, что и парламент существовал у поляков (сейм), но никогда пишущему эти строки (да простит мне старая Польша!) не приходилось встречать более нелепого учреждения.

Например, собираются триста человек и решают вопрос о том, что нужно поднять благосостояние страны. Кажется – дело хорошее? 299 человек в восторге от проекта, а трехсотый, какой-нибудь скорбный главой шляхтич, неожиданно заявляет: «А я не хочу». – «Да почему?!» – «Вот не хочу, да и не хочу!» – «Но ведь должны же быть какие-нибудь основания?» – «Никаких! Не желаю!» И, благодаря этому трехсотому, решение проваливалось!! (Иловайский. С. 96.)

Можно ли писать историю такой страны? Конечно, нет. Это только Иловайский способен.

---

⁷ *Liberum veto* – свободное вето. Право наложения единоличного запрета на постановление законодательного собрания (*лат.*).

Тридцатилетняя война (1618–1648)

Как это ни скучно, но нам приходится опять возвращаться к борьбе католиков с протестантами.

Человеку нашего времени решительно непонятно: как можно воевать из-за религиозных убеждений?

Ведь в таком случае человечество могло пойти дальше: брюнеты резали бы блондинов, высокие – маленьких, умные – глупых...

А в те времена религиозные войны были обычным и привычным делом. Целые полки под командой глупых, с тупыми физиономиями полководцев носились из страны в страну, орали, молились, поджигали, разоряли, славили бога (своего собственного), грабили, горланили гнусавыми голосами псалмы и вешали пойманных иноверцев с таким хладнокровием, как теперь вешают собственное пальто на гвоздик.

История говорит, что после Тридцатилетней войны Германия пришла в такой упадок, возник такой голод, что жители некоторых мест принуждены были питаться человеческим мясом... Жаль, что этим кончили; с этого нужно было начать: переловить до войны всех этих тупоголовых полководцев, курфюрстов, ландграфов – и, сделав над собой усилие, поесть их. И страна бы не разорилась, и ни в чем не по-

винные люди остались бы несъеденными.

До чего раньше одна часть человечества была проста и доверчива, видно из следующего: в сущности, ни немецкие католики ничего не имели против протестантов, ни немецкие протестанты против католиков.

Но появились за спиной герцога Фердинанда иезуиты и шепнули сладким голосом:

– Ка-ак? Чехи протестанты? Какое безобразие! Чего же вы смотрите? Бейте их!

А кардинал Ришелье с другой стороны обрушился на протестантов:

– Чего вы смотрите, дурачье! Бейте католиков по чем попало! Всыпьте им хорошенько.

Теперь таким образом можно сравить только две пьяные компании в трактире, причем драка может продолжаться максимум полчаса. А в те времена столь примитивный прием был действителен на тридцать лет, и уменьшил он народонаселение Германии на пятьдесят процентов.

И господь жестоко покарал протестантов и католиков за эту тридцатилетнюю глупость: предводитель католиков Валленштейн был убит в своей спальне, предводитель протестантов Густав Адольф убит на поле битвы, а разные Фридрихи, Фердинанды и курфюрсты тоже поумирали от разных причин – и ни одного не осталось до наших дней, чтобы поведать нам об этой бестактной войне.

Результаты

Изголодавшиеся страны, в конце концов, съехались и заключили мир в Вестфалии – родине знаменитых окороков.

Летописец того времени утверждает, что воюющие стороны набросились прежде всего не друг на друга, а на окорока, и впервые за тридцать лет поели как следует...

А потом, когда стали делиться землями – глупые немецкие католики и протестанты, конечно, остались с носом: самые лакомые куски забрали французы и шведы.

Рассказывают, что, разобрав, в чем дело, один курфюрст почесал затылок и воскликнул:

– Да! Теперь, когда я кончил войну, я вижу, что я старый дурак.

– А когда вы ее начинали, – засмеялся француз, – вы были молодым дураком.

И все присутствующие иностранцы долго и раскатисто хохотали...

Людовик XIV и XV во Франции

У французских королей того времени был один и тот же обычай, переходивший от отца к сыну: вступая на престол, король брал первого министра и первую любовницу (или любимицу, как мягко выражается Иловайский). Министр всегда оставался первым, а любовницы были и вторые и третьи.

Например:

Короли – Перв. министры – Любимицы

Людовик XIII – кард. Ришелье – Несколько;

Анна Австрийская – кардинал Мазарини – Ментенон

и др.;

Людовик XIV – Кольбер – де ла Вальер;

Людовик XV – кардинал Флери – Помпадур.

Но все-таки это был красивый изящный век, век менуэта, пудренных париков, Версальских праздников и любовных приключений.

Короли умели жить в свое удовольствие...

Всякий из них был настолько умен, что оставлял после себя историческую фразу, и народ поэтому его не забывал.

Людовик XIV, например, сказал:

– L'état c'est moi! (Государство – это я.) Народ прозвал его «Король-солнце». И верно. Никогда над Францией не всходило более жаркого солнца. Оно так жарило, что все финансы у Кольбера испарились, и первый министр даже получил,

в конце концов, настоящий солнечный удар...

Вторая знаменитая фраза Людовика XIV, сказанная по поводу отправления внука в Испанию:

– Нет более Пиренеев!

Гораздо хуже первой. Мы считаем ее пустой бессмысленной фразой. Эдак всякий вдруг вскочит с места да крикнет:

– Нет более Монблана! Нет более западных отрогов Кордильер!

Сказать хорошо... А ты попробуй сделать.

Что касается Людовика XV, то он прославился тоже одной фразой:

– Après nous le déluge!

Что в переводе на русский язык значит:

– Начхать мне на моих потомков. Лишь бы мне хорошо жилось.

Великая французская революция показала, что у короля были свои основания повторять эту фразу.

Первые банкиры

Кроме этой фразы и своей «любимицы» Помпадур, король прославился также и тем, что в его царствование один шотландец, Джон Ло, изобрел остроумный способ выпускать ассигнации, продавая их за настоящее золото.

К сожалению, Джон Ло, открыв по поручению регента для этих операций целый банк, смотрел на кредитные билеты глазами десятилетнего гимназиста, который думает, что если нужны деньги – их можно печатать на обыкновенной бумаге, сколько влезет...

Вы понимаете, что получилось? Джон Ло в компании с королевским регентом, герцогом Орлеанским, напечатали бумажек на несколько миллиардов и очень радовались: вот, дескать, ловко придумали.

Но когда держатели ассигнаций испугались количества появившихся на рынке бумаг и потребовали свое золото обратно – банк лопнул, а Джон Ло заплакал и заявил, что «он вообще не знал, что так будет».

Североамериканские штаты

Американские колонисты были мирными трудолюбивыми людьми.

Англичане, считая американских колонистов своими подданными, понемногу стали стеснять их свободу в смысле торговли и мореплавания.

Колонисты молчали.

Англичане ввели гербовую бумагу и некоторые сборы.

Колонисты промолчали. Была гробовая тишина.

Англичане стали взыскивать пошлины за привозные товары.

Колонисты поежились, переступили с ноги на ногу и неожиданно сказали:

– А, пойдите вы к черту!

Самолюбивые англичане спросили:

– То есть как?

– Да так. Проваливайте с вашими пошлинами.

Сказав это, схватили изумленных англичан за шиворог, повернули лицом к Англии и вытолкали.

Началась война. Вот это была хорошая, честная, умная, вызванная необходимостью война, и мы ее очень одобряем. Это не протестанты с католиками, а умные люди схватились не на живот, а на смерть из-за своих прав.

Когда колонисты победили и выгнали англичан, те пожали

плечами и обиженно сказали:

– И не надо. И без вас проживем (1783).

– Ступайте, ступайте, – поощрили их колонисты, – пока вам еще не попало... Ишь! (Брадлей. «Нов. История». С. 201).

Германские правители XVIII века

Истинным бичом для несчастных учеников являются германские правители XVIII века. Мы не видели ни одного ученика, который не получил бы самым жалким образом единицы за «германских правителей в XVIII веке».

Даже пишущий эти строки, который считает себя человеком способным и сообразительным, историком опытным и знающим – и он, отойдя от своих манускриптов и покрытых пылью пергаментов, сейчас же начинал путать «германских правителей в XVIII веке».

Пусть кто-нибудь попробует запомнить эту тарабаршину, годную только для сухих тевтонских мозгов: великому курфюрсту бранденбургскому Фридриху-Вильгельму наследовал сын его просто Фридрих. Этому Фридриху наследовал опять Фридрих-Вильгельм. Кажется, на этом можно бы и остановиться. Но нет! Фридриху-Вильгельму наследует опять Фридрих!!

У прилежного ученика усталый вид... Пот катится с него градом... Ф-фу! Ему чудится скучная проселочная дорога, мелкий осенний дождик и однообразные верстовые столбы, без конца мелькающие в двух надоедливых комбинациях:

– Фридрих-Вильгельм, просто Фридрих. Опять Фридрих-Вильгельм, просто Фридрих...

Когда же ученик узнает, что «опять Фридриху» наследо-

вал его племянник Фридрих-Вильгельм, он долго и прилежно рыдает над стареньким, закапанным чернилами Иловайским...

«Боже ж мой, – думает он. – На что я убиваю свою юность, свою свежесть?»

Историк, пишущий эти строки, может еще раз повторить имена династии Фридрихов. Вот, пожалуйста... Пусть кто-нибудь запомнит...

У великого курфюрста Фридриха-Вильгельма был сын Фридрих. Последнему наследовал Фридрих-Вильгельм, которому, в свою очередь, наследовал Фридрих; Фридриху же наследовал Фридрих-Вильгельм... Этот список желающие могут продолжать.

Даже история, беспристрастная история, запуталась во Фридрихах; до сих пор неизвестно, при каком именно Фридрихе случилась Семилетняя война. Доподлинно известно только, что он не был Вильгельмом.

Семилетняя война (1756–1763)

По сравнению с Тридцатилетней войной Семилетняя война была совсем девчонка. Та годилась бы ей в матери.

Воевали так: с одной стороны Фридрих (какой – неизвестно), с другой – Франция, Россия, Австрия и Швеция.

Швеция, собственно, была союзникам ни к чему, но она тоже вслед за большими ввязалась в драку, семеня слабыми ножонками где-то позади взрослых...

Большие усатые союзники, ухмыляясь в усы, спрашивали ее:

– Тебе еще чего нужно?

– А я, дяденьки, – шмыгая носом, пролепетала Швеция, – тоже хочу повоевать (Броун. «Семилетняя война». С. 21).

Воевали плохо. Побеждал Фридрих – способом очень легким: он ссорил союзников и разбивал их. Нападают, например, на него русские и австрийцы. Он немедленно садится за стол и пишет австрийскому полководцу письмо:

«Дорогой коллега! Охота вам связываться с этими русскими свиньями... Вы и один прекрасно меня победите. Ей-богу! И как вы можете допускать, чтобы в вашей армии командовал еще кто-то. Вы человек умный, красивый, симпатичный, а ваш товарищ просто необразованный дурак. Прогоните его скорее, а сами начните командовать».

Не было ни одного полководца, который не попался бы

на эту удочку: получив письмо, прогонял союзного генерала, нападал на Фридриха и потом, разбитый, стремительно убежал от него с остатками армии и обидой в душе.

Семилетняя война была закончена вовремя: как раз прошло семь лет со времени ее начала.

Чисто немецкая аккуратность в исполнении принятых на себя обязательств.

Результаты Семилетней войны

Когда же войну закончили, то увидели, что и воевать не следовало: союзники хотели оттягать у Фридриха Силезию, но когда заключили мир (в Губертсбурге), «Силезия осталась у Фридриха (как говорит Иловайский), и каждая держава осталась при своем». И жалко их всех и смешно.

Великая французская революция

Король Людовик XVI

Выше мы указывали на стройную систему, которой держались французские короли: у каждого из них был первый министр и фаворитка.

Людовик XVI первый нарушил эту традицию. Фаворитки у него не было, а с первыми министрами он поступал так: попался ему один очень симпатичный человек, Тюрго. Только что этот Тюрго взялся за полезные, насущные реформы, как Людовик XVI под давлением аристократов спохватился и прогнал Тюрго. После Тюрго он, под давлением общественного мнения, пригласил управляющим финансами банкира Неккера, тоже взявшегося за реформы, но в скором времени спохватился и под давлением аристократии прогнал его. Впрочем, через некоторое время он, под давлением народа, снова пригласил Неккера.

Из вышеизложенного видно, что это был король, на которого не давил только ленивый.

Под давлением же народа было созвано королем Национальное собрание. Но тут вмешалось давление аристократии и придворных. Король послал Национальному собранию приказ разойтись. Оратор собрания Мирабо вскочил и за-

явил:

– Мы здесь по воле народа, и только сила штыков разгонит нас.

В эту минуту случилось так, что никто не давил на короля. Он кивнул головой и добродушно сказал:

– Ну ладно. Сидите уж.

Впрочем, через несколько дней, под давлением придворной партии, король решил стянуть к Парижу войска из иностранных наемников.

Тогда-то Франция и возмутилась против своего короля.

Говорят, что муж последний узнает об измене жены.

То же происходит и с королями, причем роль жены играет страна.

До чего Людовик XVI был слеп, показывает следующий исторический факт.

Когда ему доложили, что Национальное собрание отказалось разойтись, он всплеснул руками и сказал:

– Да ведь это каприз!

– Нет, государь, – возразили ему, – это скандал.

Через несколько дней ему донесли, что парижские граждане организуют милицию. Опять всплеснул руками король:

– Да ведь это скандал!

– Нет, государь, – возразили ему, – это уже бунт.

А через два дня, когда парижане взяли и разрушили Бастилию, король, узнав об этом, снова патетически всплеснул

руками и воскликнул:

– Да ведь это бунт!

– Нет, государь... Это уже – революция!

Тогда король успокоился и даже переехал из Версаля в Париж.

У Людовика XVI оставался еще прекрасный выход, которым он мог спасти свое положение: стоило ему только выбросить за двери всех придворных, которые оказывали на него давление, – всех тунеядцев, ленивых и глупых негодяев.

Вместо этого он:

1) Под давлением приближенных задумал бежать за границу. Был пойман и привезен в Париж.

2) Под давлением придворных вступил в переговоры с иностранными государствами, прося у них помощи против Франции.

За это Франция приговорила короля к смерти.

Он умер 21 января 1793 года под ножом гильотины и перед смертью впервые держал себя твердо и спокойно... Вероятно, потому, что почти никто уже не оказывал на несчастного короля давления...

Умер король, искупив кровью все безумства своих пышных предшественников, искупив разорение и упадок страны, искупив страшную гнусно-пророческую фразу своего деда:

– После меня хоть потоп!

Террор

Национальное собрание передало власть Законодательному собранию, а Законодательное собрание – Национальному Конвенту.

Если можно так выразиться – Франция левела с каждым днем.

Сначала у власти стояли жирондисты, казнившие врагов свободы, но когда они оказались недостаточно левыми – их сменили монтаньяры.

Монтаньяры с Робеспьером, Дантоном и Маратом во главе, конечно, немедленно казнили жирондистов как врагов свободы.

Когда все жирондисты были казнены, Робеспьер остановил свой рассеянный взор на Дантоне и подумал:

«А не казнить ли Дантона как врага свободы?»

Когда он предложил это товарищам монтаньярам, те очень обрадовались и казнили товарища Дантона.

Впрочем, вскоре после этого монтаньяры задали сами себе вопрос:

«А не отрубить ли голову товарищу Робеспьеру?»

Сделали это. У Робеспьера был товарищ монтаньяр Сент-Жюст. Отрубили голову и Сент-Жюсту.

Таким образом, из всей компании один только Марат умер своей смертью. Он был убит в ванне Шарлоттой Кор-

де – «одной мечтательной девушкой», как мягко выражается Иловайский.

Наполеон Бонапарт

В то время как жирондисты и монтаньяры потихоньку рубили друг другу головы, Наполеон Бонапарт потихоньку выдвигался вперед.

– Кто же такой был Наполеон Бонапарт? – спросит любопытный читатель.

Это был обыкновенный артиллерийский офицер, выдвинувшийся при осаде Тулона.

Здесь мы категорически должны опровергнуть утверждение некоторых историков, которые производят имя великого Бонапарта от его военных подвигов на поле брани (На поле он). Во-первых, если бы это было так, то простая грамотность требовала бы иной орфографии (Наполеон), а во-вторых, Наполеон был французом, более того, корсиканцем – корсиканцы же, как известно, по-русски не говорят, почему назвали бы Наполеона по-французски (*Il est sur le champ*): кроме того, имена обыкновенно даются еще при рождении, когда самый проницательный человек не может определить размера будущих ратных подвигов ребенка...

Вообще, солидный читатель, мы уверены, не придаст серьезного значения этой неосновательной гипотезе...

Секрет успеха Наполеона, если вдуматься в него, оказывается очень прост: армия была предана ему душой и телом, а добиться такой привязанности у простых честных солдат

было очень легко.

Мы сообщим рецепт успеха Наполеона на тот случай, если кто-нибудь из главнокомандующих и вообще генералов пожелает им воспользоваться.

Рецепт успеха

Предположим, кто-нибудь из читателей попал со своим войском в Египет. Предстоит упорная битва... Вы, не отдавая никаких сухих приказов и кисло-сладких распоряжений (вроде: «братцы, постоим же за матушку-родину... братцы, лупи неприятеля в хвост и гриву – получите потом по чарке коньяку!») – просто выбираете пару-другую пирамид повыше и указываете на них пальцем:

– Солдаты! – кричите вы. – Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!

Простодушные солдаты поражены.

– Так много! – шепчут они. – Бросимся же, братцы, в бой!!

Если разобраться в сказанной вами фразе – в ней не найдется ничего существенного. Но закаленный в боях воин нетребователен. Ему многого не надо. «Сорок веков» его восхищают.

Если вблизи нет пирамид, можно придаться к чему-нибудь другому и опять привести солдат в крайнее возбуждение.

Например: кругом пусто, а сверху светит обыкновенное солнце.

– Солдаты! – торжественно говорите вы. – Это – то самое солнце (как будто бы есть еще другое), которое светило во время побед Людовика XII.

Не нужно смущаться тем, что злосчастный Людовик XII не имел ни одной победы – всюду его гнали без всякого милосердия...

Неприхотливым воинам это неважно. Лишь бы фраза была звонкая, эффектная, как ракета.

Конечно, полководец должен сообразоваться с темпераментом и национальностью своих солдат.

Немца на пирамиду не поймаешь... Ему нужно что-нибудь солидное, основательное или сентиментальное. Немцу можно сказать так:

– Ребята! Нас сорок тысяч, а врагов – пятьдесят. Но они все малорослые, худые, в то время как вы – толстые, большие. Каждый враг весит в среднем около трех пудов, а вся ихняя армия – 150 000 пудов. В вас же, в каждом – около пяти пудов, т. е. вся наша армия на 50 000 пудов тяжелее ихней. Это составит 25%. Неужели же мы их не поколотим?

Кроме того, немец любит слезу.

– Солдатики! – говорите вы, сдерживая рыдания. – Что же это такое? Неужели ж мы не победим их? Если мы их не победим, – подумайте, как будут огорчены ваши добрые мамы, вяжущие на завалинке шерстяной чулок, и ваши престарелые папаша, пьющие за газетой свой зейдель пива, и ваши дорогие невесты, которые плачут и портят свои голубые глазки.

И все заливаются слезами: полководец, солдаты... даже последний барабанщик плачет, утирая слезу барабанными

палками. Потом все бросаются в бой и побеждают.

Легче всего разговаривать с китайскими солдатами. Им нужно привести такой аргумент:

– Эй, слушайте там: все равно, рано или поздно, подохнете, как собаки. Так не лучше ли подохнуть теперь, всыпав предварительно врагу по первое число.

Есть еще один прием, к которому Наполеон часто прибегал и который привязывал солдат к полководцу неразрывными цепями.

Холодное, туманное утро... Солдаты жмутся у костров, сумрачные, в ожидании битвы.

Наполеон выходит из палатки и отзывает от костра одного солдата.

– Э... послушай, братец!.. Как зовут того солдата с усами, которому ты давал прикуривать и который так весело смеется?

– Этот? Жан Дюпон из Бретани. Он вчера письмо получил от больной матери, которая уже выздоравливает – и поэтому сейчас рад, как теленок.

Наполеон направляется к указанному солдату:

– Здорово, Жан Дюпон!

Дюпон расцветает. Император знает его фамилию! Император его помнит!..

– А что, Жан Дюпон, ведь прекрасная страна ваша Бретань?!

Дюпон еле на ногах стоит от счастья. Император Франции

знает даже, откуда он!

– Ну как твоей матери – лучше теперь? Выздоровливает?

Если бедный солдатик не сходит сразу с ума от удивления и восторга – он падает перед чудесным повелителем на колени, целует руки и потом пытается убежать с определенной целью раззвонить товарищам обо всем, что произошло. Но Наполеон удерживает его:

– Скажи, от кого ты сейчас закуривал папиросу? Такой рыжий.

– А! Этот? Мой товарищ парижанин Клод Потофэ. Сирота. Отца его убили во время взятия Бастилии, и у него теперь, кроме невесты, маленькой Жанны, никого нет в Париже.

Часа через два Наполеон натывается на Клода Потофэ.

– Здорово, старый товарищ, Клод Потофэ! Небось, сам здесь, – хе-хе! – а мысли в Париже, около маленькой Жанны. Эх, ты, плутишка!!! Ну, посмотрим, такой ли ты забияка в сражении, как твой отец, который свихнул свою старую шею около Бастилии 14 июля.

Клод Потофэ падает от изумления в обморок, а когда приходит в чувство, говорит своим товарищам, захлебываясь:

– Вот это полководец! Нас у него двести тысяч, а он знает и помнит жизнь каждого солдата, как свою собственную...

Наполеон – император

Если изучить как следует жизнь и деятельность Наполеона I, то придется сознаться, что этот человек подорвал в нас всякое уважение к истории человечества, к солидности и постепенности в прохождении того величавого медлительного пути, который свыше намечен народам мира.

Этот бывший артиллерийский офицерик носился по всей Европе, как собака, которой привязали к хвосту гремящую жестянку-честолюбие, дрался, как лев, хитрил, как лисица, пролез сначала в генералы, потом в первые консулы, потом в императоры и споткнулся только тогда, когда дальше идти было некуда – вся нечеловеческая прыть и прекрасная в своем ослепительном блеске наглость были исчерпаны до конца.

Пишущий эти строки счастлив, что ему представляется возможность закончить Всеобщую Историю человечества жизнью Наполеона I, – таким могучим аккордом, таким грандиозным апофеозом, который с самой беспощадной ясностью подчеркивает тщету всего земного, эфемерность так называемых «исторических и прочих условий».

Маленький человечек в треугольной шляпе и сером походном сюртуке захотел сделаться французским императором.

Он им сделался. Это так легко.

У него не было никаких предков королевской крови, ни-

какой предшествующей династии, никаких традиций. Вероятно, поэтому он стал поступать дальше с прямоотой и бесцеремонностью варвара, попавшего в музей, наполненный драгоценными реликвиями старины, прекрасными обветшалыми тронами и портретами целых поколений королей, к которым он относился с ироническим пожатием плеч разбогатевшего лавочника – себе на уме...

Сделавшись императором, он на минутку приостановился, призадумался, положив палец на губы, и махнул рукой:

– Эх! Сделаюсь уж, кстати, и королем Италии.

Кстати, сделался и королем Италии.

Наместником туда назначил пасынка своего Евгения Богарнэ, который при других условиях торговал бы на Корсике прованским маслом в розницу или занимался корсиканской вендеттой – делом, не требовавшим больших расходов, но и не дававшим никакой прибыли.

Можно вообразить, как смеялся в тиши своего кабинета или походной палатки Наполеон, раздавая направо и налево своим бедным родственникам троны и королевства.

Это делалось с такой легкостью и простотой, с какой сытый буржуа дарит своим бедным друзьям и родственникам старые галстуки и жилеты, отслужившие хозяину свою службу.

Например, докладывают Наполеону:

– Вас там в передней спрашивают.

– Кто спрашивает?

– Говорит – ваш братец Иосиф. Да только подозрительно – правда ли это? Уж больно вид у них... подержанный.

– Ага! Зови его сюда.

Брат входит, мнетя, переступая с ноги на ногу, мнет измызанную шапчонку в руках...

Добрый Наполеон лобызается с братом.

– Жозеф! Ты! Очень рад тебя видеть. Что это ты в таком непрезентабельном виде?

– Я к тебе... Нет ли местечка какого?

Наполеон трет лоб.

– Гм... Местечка... Можно было бы назначить тебя вице-королем в Италию, но туда я уже Женю посадил. Местечко занято. Разве вот что: как тебе улыбается Неаполитанское королевство?

– Ну что ж... У меня положение такое, что пойду и на это.

– Вот и прекрасно. Завтра же можешь и выехать. Скажи там, что я назначил тебя неаполитанским королем. Спроси, где трон, – тебе покажут. Да я лучше записочку напишу.

– Вас там спрашивают, в передней.

– Кто?

– Говорят, братец Людовик. Вид тоже... тово...

– Бедняга! Зовите его сюда! Здорово, Людовик! Небось, тоже за местечком... Ну-с – пораскинем мозгами. Что у нас занято и что свободно? В Италии королевствует Евгений, в Неаполе Жозеф... Гм... А, вот! Голландия!! Хочешь быть

голландским королем?

– Голландским? Другого ничего нет?

– Пока не предвидится.

– Ну хочу.

– Ну ладно.

Впрочем, не только к своим родственникам относился тепло добрый Наполеон.

За короткое время он сделал совершенно посторонним людям такие одолжения:

Герцогу Баварскому дал титул короля.

Герцогу Вюртембергскому дал титул короля.

Курфюрсту Саксонскому дал титул короля.

Курфюрсту Баденскому дал титул великого герцога.

Однажды Наполеону взгрустнулось.

– Что бы такое сделать?

После недолгого размышления он образовал из западно-германских владений «Рейнский союз», а себя назвал «протектором» этого союза.

Сам себя назвал. Никто не называл. Но когда он назвал себя протектором – все без споров стали называть его протектором.

Случилось однажды так: был у Наполеона еще третий брат Иероним – а королевств свободных больше не было... Что же делает умный Наполеон? Были у Пруссии какие-то земли «к западу от Эльбы». Наполеон отнимает их у пруссаков, составляет из них Вестфальское королевство – и отдает брату.

– На, милый. Ты хоть и младший, но будь не хуже других. Тоже не лыком шит!

Когда у Наполеона не осталось больше свободных родственников – он принялся за своих генералов. Брата своего Иосифа перевел из Неаполя в Испанию («довольно тебе, плутишка, быть неаполитанским королем – будь испанским»), а генерала Мюрата посадил на очистившийся неаполитанский престол.

Тех же генералов, которые не пользовались его расположением, Наполеон без всякого сожаления сажал на второстепенные троны. Так, его маршал Бернадот был посажен на шведский престол.

Историки рассказывают, что по этому поводу между Бернадотом и Наполеоном произошла тяжелая сцена.

– Сами садитесь на этот престол, – орал несдержанный Бернадот. – На что он мне! Не видал я вашего шведского престола!..

– Ничего, голубчик, сядешь! Невелика птица, – посмеивался Наполеон.

– Другие люди как люди, – рыдал огорченный Бернадот, – у того неаполитанский престол, у того испанский. А мне... Конечно... Понимаем-с, понимаем-с... Мы уже не нужны!! Мы уже свое сделали!! Ха-ха!.. Шведский престол...

– О, милый мой, – говорил мечтательно притихший Наполеон, – было время, когда и я бы с радостью ухватился за шведский престол...

– Было время... Конечно! Было время, когда мы без штанов бегали. Но это в прошлом, это золотое детство! А теперь – раз человек вырос, сделался солидным – вы обязаны дать ему престол – и не какой-нибудь, а большой, хороший.

– Ну ладно, старый ворчун. Садись пока на то, что есть, а потом мы тебе подыщем что-нибудь получше... Что ты скажешь, например, об Австрии? Хе-хе...

Только этой хитростью и можно было сломить упрямого Бернадота.

История говорит, что Бернадот так и кончил свою опальную жизнь в тиши и неизвестности, всеми забытый на своем шведском престоле...

Конец Наполеона

Наполеона погубило то, что он вздумал вести победоносную войну с русскими. Удивительнее всего, что так оно и случилось: Наполеон действительно вел победоносную войну с русскими. Всюду русские отступали. Наполеон побеждал, русские уходили из Москвы, Наполеон вступал в Москву, русские терпели поражения, Наполеон терпел победы.

Кончилось тем, что Наполеон потерпел последнюю победу при Березине и ускакал в Париж.

Солнце склонилось к западу...

Собака с прикрепленной к хвосту жестяной-честолюбием была затравлена, загнана – и погибла.

Наполеон был щедрее победивших его союзников. Он дарил последнему из своих маршалов целые королевства, а союзники подарили ему, императору, маленький островок Святой Елены и одного подданного – конвойного сторожа, ухаживавшего за императором.

Гордый император терпеливо улыбался, а потом согнал улыбку с лица и умер, сложив в последний раз по-наполеоновски руки, – те самые руки, которые долгое время жонглировали «исторически сложившимися государствами» без всякой церемонии и деликатности.

Заключение

Более философского, поучительного и мудрого заключения Всеобщей Истории, чем жизнь и деятельность Наполеона I, – придумать нельзя.

У Наполеона не было своего личного герба (за хлопотами он забыл обзавестись им), но если бы был у Наполеона личный герб – ему приличествовала бы такая надпись:

«Vanitas vanitatum et omnia vanitas...»⁸

Что значит в переводе:

Не боги горшки обжигают.

---

⁸ Суета сует и все – суета (*лат.*) Библия. Экклезиаст, 1, 2.